

# РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ



Годъ XXVI.

№ 29

17 Юля 1911 г.

Подписная цѣна съ прилож. на годъ: безъ доставки въ С.-Петербургу 5 руб., съ дост. и перес. по всей Россіи 6 руб., на пошлота 3 руб., на мѣсяцъ 50 коп. За границу 10 руб. Отдѣльный № 10 к., съ перес. 14 коп. Объявленія: за строку непарейлъ въ одинъ столб. (1/4 шир. стран.) передъ текст. 80 коп., послѣ текста 60 коп. Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Русскій Паломникъ“—С.-Петербургъ, Стремлянная, № 12, собств. домъ.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всѣми вѣдомствами.

**СОДЕРЖАНІЕ.** Статьи: По вѣрѣ нашей будетъ намъ. Свящ. I. Егорова.—Св. пророкъ Ілія въ почитаніи и повѣрїяхъ русскаго народа. И. Баженова.—\* \* Стих. Н. Блудорова.—Горизонты священства. Е. Бѣлкова.—Исцѣленіе слѣпыхъ. Стих. К. Смирнова.—Цецилія (продолж.). Перев. повѣсть А. Мерказиной.—Изъ поѣздки въ Кіевъ (съ 2 рис.). Е. Новиковой.—На прогулкѣ. Стих. Е. Львовой.—Весѣды съ читателями.—Къ вопросу о сооруженіи по деревнямъ храмовъ-школъ.—Изъ текущей жизни.—Извѣстія и замѣтки.—Библиографія.—Смѣсь. Рисунки: За чтеніемъ Евангелія.—Уральское село.—Взятіе Моисея изъ воды.—Монахиня Алипія (портр.). ПРИБЛ. ЖЕНЯ: 6 кв. „Телнѣв. на Нов. Зав. блаж. Ва еппанта, архіеп. орг реч.“



ОБЩІЙ ВИДЪ БЛИЖНИХЪ И ДАЛЬНИХЪ КІЕВСКИХЪ ПЕЩЕРЪ.—Къ стр. 459—461.



### По вѣрѣ нашей будетъ намъ.

**Ч**ЕЛОВѢЧЕСКІЯ средства къ установленію правды на землѣ оказались потугами параличнаго.

До пришествія Христа, во время самаго сильнаго и успѣшнаго напряженія генія человѣческаго въ области власти и искусства, напряженія, давшаго міру римскую имперію съ кодексомъ права и греческое искусство съ Фидіемъ и Софокломъ, людей охватило невыразимое томленіе и отчаяніе.

И теперь, во время не менѣ сильнаго и успѣшнаго напряженія генія человѣческаго въ области науки и промышленности, напряженія, давшаго міру пароходы, паровозы, телеграфы, телефоны, аэропланы, столь же сильно охватило души отчаяніе и томленіе.

Не лучшее-ли въ этомъ доказательство ничтожности человѣческихъ средствъ къ устроению правды на землѣ?..

Власть дошла въ управленіи до виртуозности, право надѣется вскорѣ разрѣшать международныя споры конференціями и третейскимъ судомъ, техника искусства развилась до поражающей тонкости, наука держитъ замѣнить религію, промышленность твердо надѣется разрѣшить „проклятыя“ вопросы хлѣба,—а насиліе, невѣжество, злоба, зависть, голодовки, нищета обострились до небывалой степени силы!..

Медицина гордится своими успѣхами, а люди все тысячами мрутъ отъ эпидемій!

И, конечно, при такомъ положеніи дѣла, тѣмъ, кто поставили науку и промышленность основой счастья и устроения, какъ не придти въ отчаяніе?..

Не таково Божье средство: оно дѣйственно и сильно.

Состоитъ оно въ посланіи Сына Единороднаго на землю.

И кто принимаетъ Христа вѣрою, тѣ свободны отъ уколовъ остраго жала міроваго зла.

Сегодняшнее литургійное евангеліе рисуетъ намъ только одинъ моментъ жизни Сына Божія на землѣ, и только въ девяти стихахъ Евангелія отъ Маттея.

Прочтите ихъ еще разъ, конкретнѣе представьте описанные здѣсь факты,—и тогда, во всей яркости, предстанетъ предъ вами дѣйственность Божьяго средства; очаруетъ душу, восторгомъ радости зажжетъ сердце. И невольно сильнымъ откликомъ раздастся въ вашей душѣ торжественный побѣдный кликъ великаго христіанина, св. ап. Павла: „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?“ (1 кор., 15, 55).

Не было больше зла тамъ, гдѣ вѣрою принимался Христосъ: слѣпота исцѣлялась, бѣсы изгонялись... „Исцѣлялъ Христосъ всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ“ (Мѣ. IX, 35).

Мы привыкли теперь все читать, какъ газету. Но я прошу васъ опять,—прочтите хоть только эти девять стиховъ, стараясь усиленно приложить читаемое ближе къ душѣ и конкретнѣе представить описываемое.

И въ восторгѣ души поймете, почему описаніе

жизни Христа назвали христіане евангеліемъ, т. е. доброю вѣстью.

Вспомните, чтобы еще сильнѣе восторгъ радости охватилъ душу вашу, и то, что эти факты жизни Христа описывались тогда, когда живы были очевидцы фактовъ. Припомните еще, что и враги Христа и церкви Божіей ничего другого тогда не могли сказать противъ этихъ достовѣрныхъ фактовъ, какъ только сочиняли рассказы, что и ихъ языческіе чародѣи дѣлали подобное.

Но скажете: почему же теперь зло такъ же жалитъ, какъ и до пришествія Сына Божія?

Отвѣтъ простъ: потому, что люди все еще и теперь не хотятъ прибѣгнуть, съ полною вѣрою, къ Божьему средству, а пытаются устроиться безъ Бога.

Тамъ же, гдѣ принимается Христосъ съ полною вѣрою, не дѣйствуетъ зло. Прочтите первыя главы книги Дѣяній Апостоловъ. И эта книга вышла тоже при жизни очевидцевъ описываемыхъ въ ней фактовъ. И не встрѣтила возраженій.

И смотрите, — въ церкви Христовой не было нуждающихся; болѣзни исцѣлялись, хромые ходили, слѣпые становились зрячими.

Примите Христа—Сына Божія полною вѣрою всей души,—и вы тотчасъ почувствуете, что уколы міроваго зла уже не трогаютъ васъ, а если и касаются, то не ранятъ...

„Когда Иисусъ шелъ, за нимъ слѣдовали двое слѣпыхъ и кричали: помилуй насъ, Иисусъ, Сынъ Давидовъ! Когда же Онъ пришелъ въ домъ, слѣпые приступили къ Нему. И говоритъ имъ Иисусъ: вѣруете-ли, что Я могу это сдѣлать? Они говорятъ Ему: Ей, Господи! Тогда Онъ коснулся глазъ ихъ и сказалъ: по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ. И открылись глаза ихъ.“ (Мѣ. IX, 27—30).

Такъ было со слѣпыми.

Такъ и съ каждымъ увѣровавшимъ во Христа.

Только надо увѣровать, что Христосъ, „Который съ нами во вся дни“, можетъ сдѣлать; можетъ исцѣлить всякую немощь и всякую болѣзнь; можетъ снять съ души всякую невзгуду, устранить всякую нужду. И по вѣрѣ нашей будетъ намъ. Христосъ съ нами. Онъ и насъ, каждую минуту, спрашиваетъ: „вѣруете-ли, что Я могу сдѣлать?..“

И если увѣруемъ, если сможемъ, возвысившись надъ плотскою дѣйствительностью, сказать духомъ Христу: „Ей, Господи!“, — тогда фактомъ чудодѣйственной вѣры нашей скажетъ и намъ Христосъ:

„По вѣрѣ вашей будетъ вамъ“!..

Свящ. І. Егоровъ.





## Св. пророкъ Илія въ почитаніи и повѣріяхъ русскаго народа.

**С**в. пророкъ Илія, извѣстный, во времена нечестивыхъ израильскихъ царей Ахава (за 9 вѣковъ до Р. Хр.) и Охозіи, ревнитель вѣры въ Бога истиннаго, строгій подвижникъ, проповѣдникъ правды Божіей и дивный своими чудесами, пользовался во всѣ времена величайшимъ уваженіемъ.

Уже современники пророка, явно видя въ немъ благодать Божію, называли его „человѣкомъ Божіимъ“ (3 Цар. 17,18), въ устахъ котораго слово Господне истинно (3 Цар. 17,24). Въ знакъ особеннаго благоговѣнія къ пр. Илію они повергались предъ нимъ на землю (3 Цар. 18,7; 4 Цар. 1,13) и признавали великую живущую и дѣйствующую въ немъ благодать Св. Духа. Іисусъ сынъ Сираховъ, съ особенною похвалою и подробно упоминаетъ съ жизни и чудесахъ св. Иліи (48,1—14). Во время земнаго служенія Іисуса Христу евреи, имѣя въ виду чудеса Его, считали Спасителя за пророка Илію (Матѳ. 16,14). И уже отъ временъ апостольскихъ и до нашихъ дней почитаніе этого великаго



За чтеніемъ Евангелія.—Съ карт. А. В. Кадникова.

пророка Божія продолжается въ церкви христіанской.

Св. пророкъ Илія великъ и въ представленіяхъ русскаго народа. Послѣ св. Николая Чудотворца ни одинъ святой не пользуется на Руси столь великимъ и общимъ почитаніемъ, какъ св. пророкъ Илія. Въ честь его построено множество храмовъ и, даже до крещенія Руси, при св. князѣ Владимірѣ, былъ храмъ во имя этого пророка Божія. Издревле въ Россіи въ праздникъ св. Иліи во многихъ мѣстахъ совершаются крестные ходы и молебны по полямъ для освященія ихъ и для умилоствленія Господа молитвами великаго человѣка Божія, который, во время своей жизни, постоянно ходилъ съ силою своей проповѣди и чудесъ.

Событія изъ жизни пророка Иліи: заключеніе неба (3 Цар. 17,1; 18,1; 1 ак. 5,17—18), низведеніе дождя и небеснаго огня, опалившаго его жертву на Кармилѣ (3 Цар. 18,38—40) и дважды истреблявшаго воиновъ Охозіи царя, посылавшаго ихъ взять Илію (4 Цар.

1,9—12), наконецъ, взятіе Иліи на небо на огненной колесницѣ (4 Цар. 2,1)—подали поводъ къ народному представленію, что св. Илія и теперь управляетъ громами и молніями, что по его волѣ бываютъ дожди и росы благотворныя, дожди проливныя и большія наводненія, равно какъ бездождіе и засуха. И нельзя не признать, по крайней мѣрѣ, то, что молитвы пророка Иліи могутъ нынѣ еще болѣе заключать и отверзать небо. Св. Церкви, во времена бездождія и безвѣтрія, взываетъ ко Господу Богу, да умилосердится Онъ надъ нами по ходатайству св. пророка Божія Иліи: „Илія словомъ дождь держитъ на земли, и паки словомъ съ небесе низводитъ; гѣмъ же молимъ Тя, Господи, того молитвами, Щедре, послѣ дожди водныя съ небесе“ (п. 4 кан. послѣд. во время бездождія)

„Илія грозы держитъ“, — говоритъ народная поговорка. Онъ представляется молніе и тученоснымъ громовержцемъ, который развѣзжаетъ по небу „на своемъ савосивомъ конѣ во всѣ четыре стороны“, — какъ говорится въ одномъ изъ народныхъ заговоровъ. Въ другомъ заговорѣ, на охрану противъ ружейныхъ ранъ, говорится: „на морѣ на окіанѣ, и островѣ на Буянѣ гонитъ Илія пророкъ въ колесницѣ громъ

съ великимъ дождемъ“. Въ старинныхъ лубочныхъ картинахъ пророкъ Илія иногда изображается на колесницѣ съ огненными колесами, которая со всѣхъ сторонъ окружена пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; конями управляетъ ангелъ, а самъ Илія держитъ въ рукѣ мечъ. Во многихъ мѣстахъ существуетъ убѣжденіе, что Ильинъ день почти никогда не бываетъ безъ дождя и грома.

По народному вѣрованію, св. Илія не только владыка грозъ, но и побѣдитель нечистой силы. По взрѣнію народа, также въ рукахъ пр. Иліи находится та молнія, которою древне-языческое славянское божество—Перунъ разрывалъ мрачныя грозовыя тучи надъ землей. Илія бросаетъ молніи, какъ стрѣлы, гоняясь на землѣ за нечистой силой (дѣволомъ, змѣей), которая старается укрыться отъ его ударовъ въ животныхъ, деревьяхъ, строеніяхъ; отъ этого дерево, во время удара молніи въ него, раскалывается въ щепы,



строения запалются огнемъ. Зигзаги молніи объясняются въ Малороссіи тѣмъ, что нечистые, увидавши стрѣлу, мечутся въ разныя стороны, и она, въ погонѣ за ними, мѣняетъ направленіе.

Въ виду того, что, по воззрѣнію народа, болѣзни человѣческія происходятъ отъ нечистой силы, которая или непосредственно посылаетъ ему болѣзнь и чаще чрезъ орудія свои — знахарей, колдуновъ, народъ на защиту себя отъ бѣдствія зловредной нечистой силы призываетъ, въ числѣ другихъ святыхъ, и пророка Ілію. Такъ, въ одномъ изъ заговоровъ заговаривающій произносилъ: „молюся тебѣ, святой пророке Божій Ілія, пошли тридцать ангеловъ въ златокованномъ платьѣ съ луки и стрѣлы, да обвиваютъ и отстрѣливаютъ отъ раба (такого-то) уроки и призоры, притки и щипоты, ломоты и вѣтроносное язво“. Признавая пророка Ілію распорядителемъ грома и молніи, русскій простолюдинъ считаетъ пожары, происшедшіе отъ удара молніи, наказаніемъ, посылаемымъ отъ этого пророка. Тушить такіе пожары — значить, идти противъ воли великаго пророка Божія и тѣмъ навлекать на себя еще большій гнѣвъ его. Такіе пожары можно гасить или, по крайней мѣрѣ, ограничивать только молокомъ или сывороткою, но не какъ не водою. Впрочемъ, не вездѣ молнію считаютъ наказательной стрѣлой пророка Іліи. По представленіямъ крестьянъ харьковской губерніи, молнія—это искры отъ подковъ огненныхъ коней, мчащихся съ гремяшею колесницею по небу, и самый громъ происходитъ отъ шума, грохота колесъ во время ѣзды Іліи на огненной колесницѣ. Такъ, во время грома, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи говорятъ: „Ілья великій гудитъ“.

Соотвѣтственно библейскому сказанію о томъ, что пророкъ Ілія, въ наказаніе израильтянъ за нечестіе, заключилъ небо на нѣсколько лѣтъ и потомъ молитвою низвелъ дождь, равно умножилъ муку и масло у бѣдной сарептской вдовицы за пріемъ и содержаніе его (3 Цар. 17,8—16), въ народѣ сложилось вѣрованіе, что Ілія направляетъ благодѣтельныя стороны грозы на нивы людей добрыхъ и милосердныхъ, а вредныя—на нивы жестокосердныхъ и злыхъ и, по своему усмотрѣнію, низводитъ на землю—гдѣ полезный дождь, гдѣ, во вредъ, градъ или бури. По воззрѣнію народа, „Богъ повелѣлъ пр. Іліи: когда ѣдишь на колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздають хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою, а которые жадны, обмѣриваютъ и не вѣдаютъ милосердія, у тѣхъ нивы истребляй“. Отсюда св. Ілія признается покровителемъ плодородія земли вообще, и поэтому даютъ ему наименованіе „милостиваго“, „надѣляющаго“, и на новый годъ причитываютъ: „ходитъ Ілья, носитъ пугу (плеть) житяную; гдѣ замахнетъ,—тамъ жито растетъ“. И въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне ставятъ на воротахъ своихъ домовъ чашку съ зернами ржи и овса и потомъ просятъ священника „провеличать Ілью — на плодородіе хлѣба“.

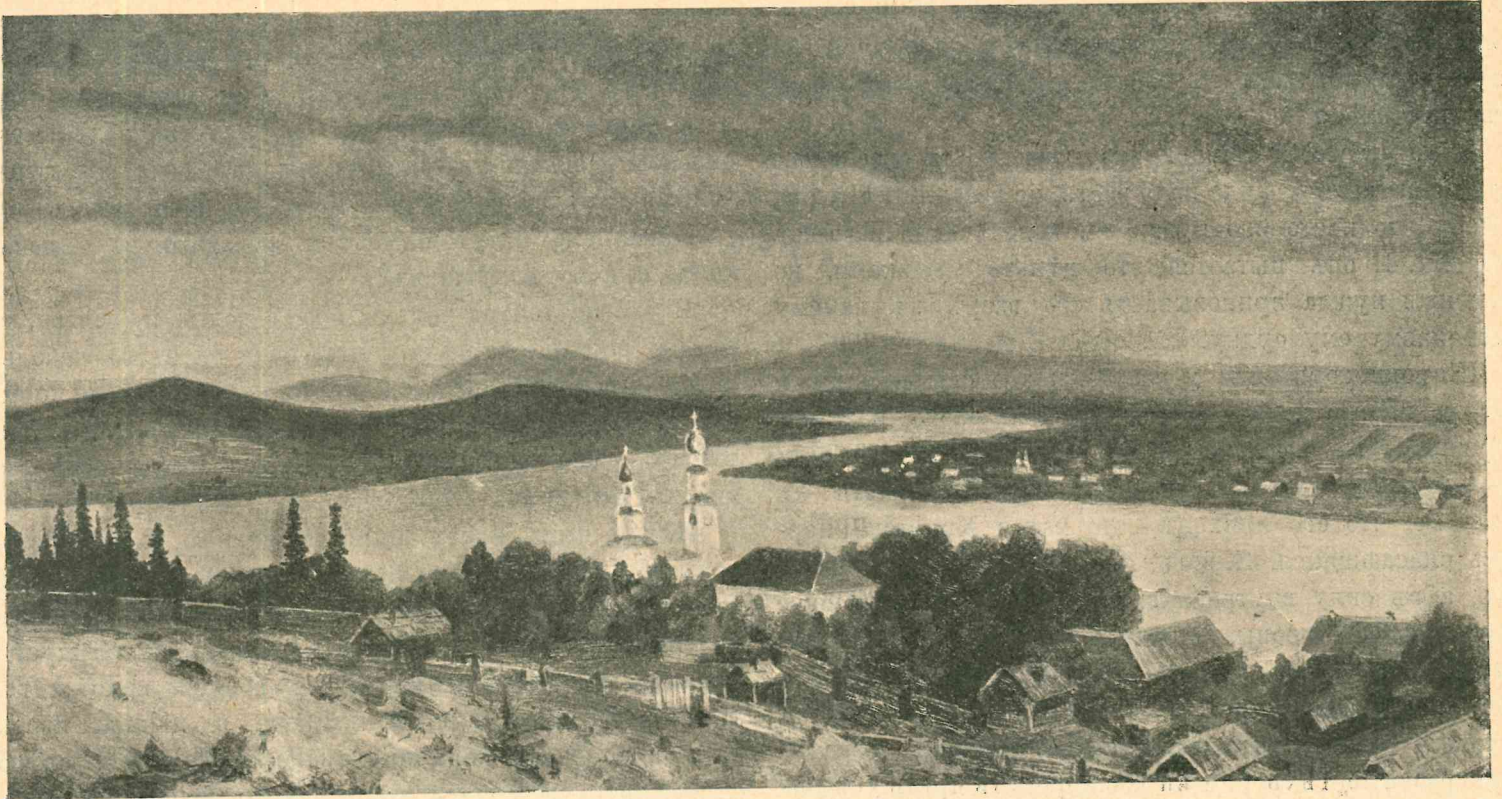
Къ Ильину дню, обыкновенно, поспѣваетъ хлѣбъ, и этотъ праздникъ считается началомъ жатвы. „Пророкъ Ілья лѣто кончаетъ, жито зажинаетъ“,—говорятъ крестьяне. „Ілья пророкъ въ полѣ копны считаетъ“, т. е. къ Ильину дню можно точнѣе опредѣлить количество урожая. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, во время жнитва, начинающагося 20 іюля, оставляютъ на корню связанный узломъ пучекъ ржи въ честь плододавца, Ільи пророка; это называется „завязать Ільѣ бороду“ (пословицы Даля). Гдѣ хлѣбъ созрѣлъ ранѣе, тамъ въ Ильинъ день изготавливается уже новина, т. е. хлѣбъ изъ новой ржи. „Петръ (29 іюня) съ колоскомъ, а Ілья съ колоскомъ“. Въ Тульской губерніи испеченный изъ новой ржи хлѣбъ крестьяне приносятъ въ Ильинъ день въ церковь для освященія и потомъ „вкушаютъ отъ новины“, а изъ соломы устраиваютъ новую постель; отсюда поговорка: „ильинская соломка — деревенская перинка“.

Ильинъ день считается въ народѣ послѣднимъ настоящимъ лѣтнимъ днемъ, ибо, по наблюденіямъ, съ этого дня температура начинаетъ понижаться. „На Ілью до обѣда лѣто, — говорятъ крестьяне, — а послѣ обѣда осень“. „Придетъ Ілья, принесетъ гниль“, т. е. дождей, которые, естественно, усиливаются вслѣдствіе того, что сильныя жары, бывающія въ концѣ іюня и началѣ іюля, способствуютъ развитію большой массы воздушнаго электричества. „До Ильина дня и подъ кустомъ сушить, а послѣ Ильина—и на кустѣ не сохнетъ“. „До Ильина дня тучи по вѣтру идутъ, послѣ Ильина дня—противъ“. „На Ильинъ день и камень прозябаетъ“. Запримѣтивши эти явленія, крестьяне стараются, по возможности, убрать съ полей сѣно до Ильина праздника. „До Ильина дня,—говорятъ они,—сѣно сметать—пудъ меду въ него накласть, а послѣ Ильина дня—пудъ навозу“.

По воззрѣнію народа, св. Ілія любитъ и щадитъ пчелъ и никогда не ударитъ молніей въ улей. Пчеловоды на Ильинъ день подрѣзываютъ первые соты, чѣмъ и объясняется народная поговорка: „богатъ, какъ ильинскій сотъ“. Но если этотъ сотъ бываетъ и полонъ, и душистъ, и сладокъ, то объ ильинскомъ роѣ крестьяне замѣчаютъ, что онъ уже „не корысть“, т. е. такъ какъ наступаетъ осень, молодые пчелы не успѣваютъ запасть на зиму пищей.

Осеннее время, дѣйствительно, уже близко; признаками этого времени служить то, что ночи становятся и темнѣе и длиннѣе, вода же въ рѣкахъ и озерахъ холоднѣе. „Съ Ильина дня,—говорится въ народѣ,—работнику двѣ угоды: ночь длинна, да вода холодна“. „До Ильина дня мужикъ купается, а съ Ильина дня съ рѣкой прощается“, потому что,—по повѣрью нѣкоторыхъ крестьянъ,—„Ілья пророкъ холодный камешокъ въ воду опустилъ“,—другіе же причину охлажденія воды приписываютъ оленю: „Ільинъ день — олень ногу окунулъ“ (или „копыто обмочилъ“).





Уральское село.—Съ карт. И. К. Денисова-Уральскаго.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, что многія народныя воззрѣнія на пророка Илію остались въ русскомъ народѣ отъ языческаго періода, когда наши предки—славяне поклонялись Перуну—богу грома-вержцу, съ которымъ они въ христіанствѣ и отождествили пророка Божія.

Служители св. православной церкви, еще въ очень отдаленныя отъ насъ времена (въ 15 вѣкѣ), неоднократно, въ своихъ поученіяхъ, указывали на языческое происхожденіе народныхъ представленій и повѣрій о пр. Иліи; но темный простолюдинъ, видимо, и доселѣ не отрѣшился отъ взглядовъ и преданій предковъ и продолжаетъ сохранять и любить выражать ихъ, хотя это совершается нынѣ безсознательно, безъ мысли объ языческомъ божествѣ—Перунѣ.

*И. Баженовъ.*

\* \* \*

Подъ гнетомъ житейскихъ невзгодъ,  
Въ минуты душевной тревоги,  
Единственный, другъ мой, исходъ:  
Въ святомъ помышленьи о Богѣ.

Почаще мечтой улетай  
Въ надзвѣздныя свѣтлыя дали,  
Гдѣ Божіе царство, гдѣ рай,  
Гдѣ нѣтъ горькихъ слезъ, нѣтъ печали,

Гдѣ вѣчное царство любви,  
Гдѣ тронъ всемогущаго Бога.  
Почаще той мыслью живи—  
И стихнетъ на сердцѣ тревога!

*Н. Блудоровъ.*

### Горизонты священства.

**Ж**ИЗНЬ кипитъ ключемъ. Кругомъ клокочетъ буря; вдали, какъ будто, тише... Надо туда!

Но кто знаетъ—какія подводныя скалы могутъ встрѣтиться на пути? Какое направленіе безопаснѣе, чтобы миновать эти опасныя мѣста и благополучно перейти къ тому тихому и желанному мѣсту, что чуть-чуть виднѣется, скорѣе—грезится въ туманной дали?.. А разсмотрѣть эту даль почти невозможно и идти выбирать,—что ведетъ безопаснѣе къ желанной тишинѣ,—нѣтъ времени; все вниманіе уходитъ на борьбу съ бурей, съ натискомъ бушующей со всѣхъ сторонъ...

И стоитъ одинокій кормчій неустанно у руля, поворачиваетъ свое суденышко то туда, то сюда, разсѣкая наступающія волны.—И радъ онъ отдохнуть и подкрѣпить свои истощенныя силы, когда—какъ-бы по мановенію высшей силы—на нѣкоторое время настаетъ кругомъ небольшое затишье.

Но, расправляя уставшіе члены и подкрѣпляясь пищей, и тутъ кормчій не можетъ забыть назойливыя мысли о томъ, что, вѣдь, впереди опять та-же тяжелая работа, та-же борьба съ постоянными бурями и та-же забота—искусно и благополучно обойти всѣ подводныя камни въ пути!

Очень удачно церковь Божія на землѣ сравнивается съ кораблемъ, плывущимъ по житейскому морю къ желанной тихой пристани—къ царству славы, царству небесному. Въ этомъ-же смыслѣ и всякую маленькую часть единой церкви Божіей—приходъ, какъ небольшое сравнительно общество православныхъ хри-



стіанъ, сгруппировавшихся около своего святого приходскаго храма, можно назвать ладьей, плывущей по житейскому-же морю къ той-же тихой пристани—царству небесному.

Тутъ—кормчій священникъ. Онъ ведетъ свое малое судно—и знаетъ, куда надо вести, но вести ему трудно, потому что постоянно нужно смотрѣть вдаль и во всѣ стороны. И онъ пытается это дѣлать урывками, но наличная нужда приковываетъ его взоръ къ самому вѣренному ему судну.

Широки горизонты у современнаго священника и высокъ иногда полетъ его мысли, и много розоваго мерещится въ его воображеніи. Онъ знаетъ, что вѣренныя его попеченію души онъ долженъ вести къ спасенію, что его приходъ—это малая Христова церковь спасающаяся. И, вотъ, для спасенія этой церкви, онъ, и въ силу внутренняго своего побужденія и подъ влияніемъ со стороны, подражая другимъ, дѣлаетъ попытки обдумать и затѣмъ на дѣлѣ осуществить и просвѣтительныя учрежденія въ своемъ приходѣ, и устроить благотворительную дѣятельность, и ограничить развитіе тѣхъ или иныхъ пороковъ чрезъ устройство, напр., обществъ трезвости; онъ думаетъ и объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія прихожанъ чрезъ распространеніе, напр., полезныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній, не прочь заняться изученіемъ медицины и т. д.

Но все это, зачастую, представляетъ собою только благія попытки, которымъ не суждено осуществиться единственно потому, что священнику нѣтъ времени всецѣло отдаться, и съ полнымъ вниманіемъ, обдумыванію и осуществленію какого-либо изъ указанныхъ добрыхъ начинаній. Жизнь, именно, бьетъ ключемъ, и въ каждомъ проявленіи этой жизни приходскому священнику нужно принимать самое дѣятельное участіе.

Безъ него нигдѣ не обходятся. Родился кто—надо ввести въ царство Божіе чрезъ святыя таинства, боленъ кто—утѣшить, ободрить и опять святыми таинствами, на случай смерти, приготовить въ жизнь вѣчную. Тамъ желаютъ молодые люди въ самостоятельную жизнь вступить—надо учредить союзъ чрезъ таинство брака. У иного изъ прихожанъ нелады въ домѣ—зовутъ священника помочь водворенію мира, а если не зовутъ,—то онъ самъ долженъ пойти и употребить все свое умѣнье и силы къ умиренію этого дома...

И вездѣ забота одна—дѣйствовать такъ, чтобы всѣхъ вести ко спасенію и дѣйствовать такъ, чтобы вліяніе его было сильно. Мало сказать: сильно—надо, чтобы оно было неотразимо!

А для этого, вѣдь, надо самому имѣть эту силу и постоянно заботиться о томъ, чтобы эта сила не только не умалялась, а еще постоянно увеличивалась, и чтобы обнаруживалась—гдѣ нужно—все съ большею и большею настойчивостію и энергіей.

А откуда брать эту силу священнику, какъ безсмысленному кормчему на своемъ, вѣренномъ его попе-

ченію, суднѣ, плывущемъ среди бурь по житейскому морю?—Надо просить и силы, и поддержки у Бога, а для этого надо постоянно учиться молитвѣ и за себя и за другихъ. Есть-ли время смотрѣть на далекіе горизонты и можно-ли смотрѣть вдаль, когда вся душа должна быть сосредоточена всецѣло, вотъ, здѣсь—на „теперешнемъ и тутошнемъ“ и, зачастую, на маленькомъ, никому ненужномъ?

И это не теперь только,—не сегодня и завтра, а всегда, всегда—до тѣхъ поръ, пока на этомъ небольшомъ суденышкѣ не смѣнитъ священника новый кормчій, т. е., до тѣхъ поръ, пока священникъ—милостію Божіею—самъ не будетъ призванъ въ иную жизнь, „во дворы Господни“.

Жизнь нынѣ идетъ широкою волною во всѣ стороны и, несомнѣнно, священнику трудно уберечься отъ этой волны, которая можетъ унести мысль его и къ далекимъ горизонтамъ. Но тутъ-то, вотъ, и слѣдуетъ помнить, что священнику не за волной надо идти, хотя-бы она была и очень широка и манила своей ширью, но—какъ кормчему—надо смотрѣть и вѣрно опредѣлить—ведетъ-ли эта волна ко спасенію. И если нѣтъ, то надо со всею силою противостоятъ этой волнѣ, хотя-бы и всѣ были противъ этого. Тяжело и трудно? Скажутъ: невозможно!—Крѣпись и проси помощи Божіей. Для Бога все возможно, а отъ трудовъ потомъ отдохнешь!

Твой горизонтъ и широкъ и узокъ—онъ вдали, гдѣ пристань спасенія, которую ты едва видишь.—И онъ-же, вотъ, тутъ—подъ ногами—въ этихъ волнахъ обыденной жизни.

Есть моменты—и они часты въ жизни священника, когда далекіе желанные горизонты и, вотъ, эти, что у самыхъ ногъ, не только сходятся близко, а прямо-таки соприкасаются другъ съ другомъ и цѣль путешествія становится какъ-бы совсѣмъ достигнутою. Совершеніе всякаго богослуженія, а особенно божественной литургіи, есть такое время, когда священникъ ясно видитъ, какъ-бы вблизи отъ себя, далекій горизонтъ, къ которому устремлены всѣ чаянія его жизни. Онъ ведетъ свое словесное стадо къ спасенію, а это спасеніе, во время богослуженія, при теплой и живой вѣрѣ его, такъ близко! Онъ знаетъ всѣ духовныя и тѣлесныя нужды своихъ прихожанъ и дерзновенно проситъ Бога объ ихъ удовлетвореніи.

А гдѣ дерзновеніе—тамъ и милость Божія, ибо Богъ всегда слышитъ дерзновенную молитву.—Если реально представить молитву священника, то она выразилась-бы, приблизительно, въ слѣдующемъ: Господи, помяни, (т. е., вспомни, какъ-бы посмотри) моихъ дѣтей духовныхъ и самъ устрой ихъ жизнь такъ, чтобы все вело ихъ къ спасенію! Помяни Ты, Господи, вотъ, этого-то, болящаго Петра, нуждающагося въ твоей помощи! Вотъ, эту-то сироту бѣдную, Матрену, помяни, Господи,—вонъ, она стоитъ въ углу и ждетъ отъ Тебя утѣшенія!..



Вотъ, они, горизонты священника—и близкіе и дальніе—сошлись вмѣстѣ—и здѣсь, на молитвѣ, въ совершении богослуженія и святыхъ таинствъ и прочихъ молитвословій по частнымъ нуждамъ своихъ прихожанъ, но непременно при теплой и живой вѣрѣ въ Бога, священникъ, какъ кормчій своего судна, плывущаго по волнамъ житейскаго моря, найдетъ и силу—боротся съ волнами, и указаніе избѣгать подводныхъ камней и—наконецъ—несказанную отраду и утѣшеніе своимъ служеніемъ.

*Е. Бѣлковъ.*

### Исцѣленіе слѣпыхъ.

**Л**УНА поднявшись, какъ лампада,  
Сіяетъ кротко въ небесахъ...  
И вѣетъ вечера прохлада  
На палестинскихъ высотахъ.

Мерцаютъ звѣзды—и лучистый  
Взоръ посылаютъ свой землѣ...  
Тропинкой узкой и кремнистой  
Христосъ одинъ идетъ во мглѣ.

Прикрыты горы свѣтлой далью—  
Тамъ, гдѣ стада... огни блестятъ—  
Все тихо... полная печалью  
Чьи зовы слышатся... звучать?..

То за Христомъ слѣпцы тропю  
Бѣгутъ, торопятся, спѣшатъ...  
Взоръ пораженъ ихъ слѣпотою.  
Кругомъ камней угрюмыхъ рядъ.

Висятъ убогія покровы  
На исхудалыхъ ихъ плечахъ...  
Такъ истомилъ ихъ путь суровый!  
Мольба въ ихъ слышится словахъ.

Они кричатъ: „Христосъ помилуй—  
Давида сынъ—помилуй насъ!“..  
И былъ услышанъ вопль унылый,  
И былъ слѣпцовъ услышанъ гласъ.

И даровалъ Христосъ имъ зрѣнье,  
Открывъ незрящимъ имъ глаза...  
И предъ слѣпыми въ то мгновенье  
Разверзлась неба—бирюза.

Все, все слѣпые увидали:  
Озера, рѣки, дискъ луны...—  
А звѣзды ихъ благословляли,  
Мерцающа кротко съ вышины.

*Н. Смирновъ.*

### Цецилія.

(Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства Ф. де-Носэ \*).

#### IV. Бѣгство Люція.

**М**Ы оставили Люція на базарѣ въ Римѣ. Когда бретонскій невольникъ отнесъ его подъ навѣсъ сарая, положилъ въ уголъ на солому, и увидалъ, въ какомъ ужасномъ видѣ находится мальчикъ, то, выйдя оттуда, не нашелъ нужнымъ запереть за собою дверь.

„Онъ не оживетъ,—подумалъ онъ.—Хотя онъ былъ грекъ, тѣмъ не менѣе, это былъ храбрый мальчикъ; если бы онъ родился бретонцемъ, то могъ бы сдѣлаться героемъ“.

Люцій казался мертвымъ, а потому невольникъ, занявъ свое мѣсто въ рядахъ товарищей, рассказалъ имъ на ухо, что бѣдный мальчикъ умеръ. Хозяину же онъ боялся объявить это, не желая навлечь на себя его гнѣвъ. Только когда бретонецъ перешелъ въ другія руки, эта новость дошла до хозяина.

Люцій же, мало-по-малу, приходилъ въ себя. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и попытка приподняться, дабы отыскать глотокъ воды, не привела ни къ чему. Со стономъ упалъ онъ снова на солому. Нѣсколько минутъ лежалъ онъ неподвижно, но жажда, которая сильнѣе всѣхъ страданій, заставила его со страшнымъ усиленіемъ доползти до двери, въ надеждѣ найти глотокъ воды, въ которомъ онъ чувствовалъ непреодолимую потребность. Увы, воды онъ не нашелъ, но вдали, сквозь широкую изгородь, служившую для отгораживанія мѣста сборища невольниковъ, онъ увидалъ колоду, изъ которой пилъ мулъ. Необходимость добраться туда, побуждаемая выборомъ между утоленіемъ жажды или смертью, заставила его забыть все, даже Цецилію. Онъ предпринялъ эту, почти непосильную, задачу и ползкомъ, съ помощью рукъ и ногъ, онъ достигъ, послѣ неимоверныхъ усилій, до благодѣтельной воды, въ которую съ восторгомъ окунулъ голову и началъ пить большими глотками, а потомъ вымылъ лицо. Вернуться снова въ сарай казалось ему теперь невозможнымъ, а потому онъ спрятался за кучей разбросанныхъ въ беспорядкѣ досокъ, желая скрыться отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Едва устроившись тамъ, онъ заснулъ, какъ убитый. Къ своему великому удивленію онъ проснулся далеко послѣ захода солнца. Первое,—что поразило его слухъ,—были слова, произнесенныя двумя мужчинами, разговаривающими другъ другу о продажѣ этого дня.

— Оба грека,—говорилъ одинъ,—выбыли. Фульвиусъ продалъ дѣвушку и такъ избилъ мальчика, что послѣдній умеръ отъ этого.

— Умеръ отъ этого?—повторилъ другой.—Однако же, или онъ убѣжалъ, или черти унесли его тѣло, но никто болѣе не видѣлъ его.

\*) Продолж. См. № 28.



— Несчастный юноша! Я желаю, чтобы ему удалось бѣжать, навѣрное Фульвиусъ не далъ бы ему въ другой разъ эту возможность. Я очень радъ, что дѣвушку продали и, надѣюсь, что она нашла себѣ добрую госпожу.

— Она была куплена однимъ изъ членовъ семьи Гракховъ. Торгъ былъ совершенъ однимъ изъ ихъ вольноотпущенниковъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ Люцій этотъ разговоръ. Цецилію продали, а его считали мертвымъ или въ бѣгахъ. Тогда онъ сталъ обдумывать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Или онъ погибнетъ, или ему удастся бѣжать, и мысль, что онъ еще разъ можетъ быть свободенъ, придавала ему непоколебимую бодрость. Переполненный радостью, онъ забылъ о своихъ ранахъ и контузіяхъ, но благоразуміе побудило его умѣрить свой восторгъ.

Ему пришлось еще долго лежать на своемъ мѣстѣ неподвижно и ждать, чтобы ночь окутала непроницаемымъ покровомъ городъ. Скоро голодъ и жажда снова дали себя знать. Но теперь его тѣло потеряло свою напряженность и когда онъ нашелъ, что ночь была достаточно темна, чтобы сдѣлать попытку выйти изъ своего убѣжища, то почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы идти, несмотря на боль, причиняемую ему его ранами.

Выйдя съ невольничьяго базара, Люцій сталъ обдумывать, что онъ долженъ предпринять. Чужому въ Римѣ, ему казалось, что если ему удастся найти самые бѣдные кварталы города, онъ могъ бы тамъ скрыться на нѣкоторое время, чтобы потомъ приняться за поиски Цециліи и найти средства къ существованію. Бѣдный мальчикъ пошелъ по самымъ пустыннымъ улицамъ, избѣгая встрѣчи съ прохожими, съ трудомъ добрался, наконецъ, до маленькой площади, на которой стоялъ постоянный дворъ. Толпа гладиаторовъ сидѣла у порога и смотрѣла на четырехъ солдатъ, ведущихъ арестованнаго.

— Увидимъ-ли мы этого еврея въ циркѣ. Что ты на это скажешь, Лапидусъ? Численность преступниковъ уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ мы принуждены были освободить нѣкоторыхъ. Между тѣмъ, у насъ есть великолѣпный нумидійскій левъ, который ждетъ только, чтобы его пощекотали.

— А почему ты знаешь, что этотъ плѣнникъ—еврей? спросилъ одинъ изъ товарищей говорившаго,

— О, это не трудно видѣть, что это еврей,—отвѣтилъ гладиаторъ и продолжалъ прерванный свой разговоръ, какъ будто-бы этотъ еврей уже предназначался на борьбу съ нумидійскимъ львомъ.

— Игры въ циркѣ начнутся скоро, къ великой радости народа; такъ какъ онъ можетъ обозлиться и не упустить случая, чтобы потребовать отчетъ у Императора о внезапной смерти его матери, а также и о допущеніи прозелитки Юліи Поппеи занять тронъ Октавіи.

— Нашъ Императоръ также способенъ дать отвѣтъ народу, какъ играть передъ нимъ на своей лирѣ,—возразилъ другой гладиаторъ.

— Ты глупецъ, Бурбо, и, клянусь каской Цезаря, ты никогда не поумнѣешь. Развѣ ты не слышалъ сегодня, что Поппея ненавидитъ этого еврея, также какъ и всѣхъ тѣхъ, что идутъ изъ Іудеи въ Римъ? Ужели же ты не понимаешь, почему онъ будетъ приговоренъ?

— Чтобы угодить Поппеѣ, вотъ, что ты хочешь сказать,—грустно возразилъ тотъ.

— Чтобы угодить Поппеѣ и Риму тоже. Всѣ ненавидятъ эту новую секту, этихъ христіанъ, защитникомъ которыхъ является этотъ узникъ. Увидать этого челоуѣка на аренѣ—доставитъ больше удовольствія народу, чѣмъ встрѣча съ самимъ Нерономъ. Вѣдь, справедливо говорятъ, что народъ недоволенъ послѣдними поступками Императора?

Говоря это, гладиаторъ такъ размахивалъ своими мускулистыми руками, что чуть не сшибъ съ ногъ Люція, который остановился, съ цѣлью отдохнуть, слишкомъ близко отъ гладиаторовъ.

— Клянусь Полюксомъ, тутъ кто-то есть!—сказалъ онъ, отскакивая въ сторону.

Въ ту же минуту Люцій почувствовалъ себя стиснутымъ, какъ клещами, двумя могучими руками, которыя тащили его изъ скрывавшей его темноты къ свѣту.

— Кто ты такой, что осмѣливаешься потихоньку стать на пути гладиатора? Говори же!—проговорилъ послѣдній, угощая звенкой пощечиной бѣднаго Люція.

Юноша, дрожа отъ страха, все же, не моргнувъ, смотрѣлъ въ глаза гладиатора.

— Я грекъ и чужестранецъ въ Римѣ.

— Грекъ или римлянинъ, ты могъ бы быть великолѣпный гладиаторъ!—проговорилъ тотъ, осматривая мускулы юноши.

Другой обратилъ свое вниманіе на раны и контузіи на лицѣ, рукахъ и ногахъ Люція.

— Смотря на него,—произнесъ онъ,—можно подумать, что онъ только что вышелъ съ арены.

Люцій, боясь, что въ немъ заподозрятъ бѣглаго невольника, обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Много-ли зарабатываютъ денегъ гладиаторы?

Громкій хохотъ былъ отвѣтомъ на его вопросъ.

— Мы не такъ глупы, чтобы заниматься дѣломъ ради удовольствія.

— Но мы кончаемъ тѣмъ, что начинаемъ любить его,—возразилъ другой.

— Наша жизнь полна славы и веселья. О, когда гладиаторъ увидалъ пролитую кровь, онъ дѣлается подобно тигру, онъ ненасытенъ, ему все мало, въ этомъ я тебя могу увѣрить, мой мальчикъ. Полюбишь-ли ты наше ремесло?

— Мнѣ нужно заработать денегъ, какъ можно скорѣе,—отвѣтилъ, какъ бы сомнѣваясь, Люцій.



— И ты воображаешь, что найдешь деньги на пескѣ цирка? Ты поешь, какъ молодой пѣтухъ, а между тѣмъ, я думаю, что ты убѣжалъ изъ дома, что твоя мать выплакала всѣ слезы, изъ-за любви къ тебѣ, и ты самъ носишь слѣды ласкъ твоего отца.

— У меня нѣтъ ни матери, ни отца,—отвѣтилъ Люцій,—но у меня есть сестра, которой я хочу помочь.

— Когда нужно быть храбрымъ, чтобы смотрѣть прямо въ глаза смерти и кричать такъ, чтобы покрыть крики толпы и голосъ самого Императора, лучше не имѣть сестры и не думать о слабой женщинѣ, которая дѣлаетъ насъ трусами.

— Тѣмъ не менѣе я не желалъ бы умереть раньше, чѣмъ спасу Цецилію, — сказалъ Люцій, обращаясь скорѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ тѣмъ, кто окружалъ его.

— По щ а д ы нѣтъ въ циркѣ! Песокъ арены, по которому будутъ тащить твое тѣло, выпьетъ также хорошо твою кровь, какъ ты могъ бы выпить изъ бурдюка молодое вино, купленное цѣною твоихъ боевъ. Что ты на это скажешь, мальчикъ?

— Хочешь ли ты стать членомъ нашей семьи?

Нашъ хозяинъ, въ данную минуту, ищетъ учениковъ, я тебя рекомендую, и этого достаточно.

Это послѣднее обѣщаніе было болѣе вѣское, чѣмъ все остальное.

— Въ самомъ дѣлѣ,—гордо поднявъ голову, промолвилъ Люцій,—умираютъ разъ въ жизни, а быть можетъ, я буду жить, чтобы насладиться свободой Цецилии.

— Развѣ я не сказалъ, что это настоящій пѣтухъ? Очень хорошо, юноша, а теперь пусть принесутъ кубки и онъ попробуетъ того вина, что возбуждаетъ кровь настоящаго гладиатора.

Кубокъ подали Люцію, который смочилъ въ немъ свои губы. По правдѣ сказать, юноша охотнѣе предпочелъ бы выпить глотокъ воды и съѣсть нѣсколько винныхъ ягодъ, чѣмъ самое дорогое вино Рима, но, боясь оскорбить и высказать это этимъ грубымъ людямъ, онъ переломилъ себя и выпилъ, сколько могъ, ихъ кислаго вина.

— Значитъ, ты чужестранецъ въ Римѣ?—спросилъ

тотъ, который больше всѣхъ говорилъ съ Люціемъ и который, повидимому, былъ начальникомъ этихъ людей.

— Да, я прибылъ недавно изъ Авинь.

— И ты думалъ, конечно, что вся столица усыпана золотомъ?

— Но я предпочелъ бы увидѣть въ данную минуту улицы усыпанными винными ягодами. Къ сожалѣнію, тутъ не видно ни много золота, ни винныхъ ягодъ.

— Подожди, пока ты не заработаешь въ циркѣ кошелекъ, полный золота, тогда ты можешь купить себѣ что-нибудь получше, чѣмъ винныя ягоды.

— Если я буду ждать до тѣхъ поръ, то мнѣ уже ничего не понадобится, — возразилъ Люцій.

Голодъ прибавилъ ему смѣлости, но именно такое расположеніе духа нравилось больше этимъ людямъ, чѣмъ все то, что онъ могъ бы сдѣлать. Вотъ, почему одинъ изъ нихъ позвалъ трактирщика и приказалъ ему принести хлѣба и винныхъ ягодъ.

— Ышь, какъ гладиаторъ, хотя эта пища не годится для нихъ,—сказали ему, подавая ужинъ.

Люцій не заставилъ себя просить два раза, такъ какъ ничего не ѣлъ съ утра.

Онъ внимательно прислушивался, продолжая ѣсть, ко всему тому, что говорилось вокругъ него. Разговоръ шелъ о знатныхъ римскихъ семействахъ, покрови-



Библия въ картинахъ.—Взятіе Моисея изъ воды.—(Съ карт. художн. Гунтера).



тельствующихъ и поощряющихъ игры въ циркѣ. Юноша надѣялся услышать что-либо о Гракхахъ, фамилію которыхъ произнесъ человекъ, говорившій о Цециліи, и которую онъ запомнилъ. Юноша охотно бы спросилъ у своихъ новыхъ друзей что-либо, касающееся этого семейства, ихъ адресъ, и, въ особенности, какъ они обходятся со своими рабами? Но, къ его большому разочарованію, имя Граховъ не было произнесено. Эти люди грубыхъ нравовъ говорили, и довольно свободно, только о знатныхъ римскихъ домахъ, о ихъ особенной склонности къ борьбѣ желѣзной перчаткой и палкой.

Когда разговоръ окончился и они собрались уходить, то попросили у трактирщика позволенія Люцію переночевать на скамейкахъ постоялаго двора, обѣщая юношѣ зайти на другой день утромъ за нимъ и представить его учителю фехтованія, чтобы взять первый урокъ. Трактирщикъ сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ не довѣряетъ Люцію, но, желая угодить постояннымъ своимъ посѣтителемъ, и зная, что юноша предназначался въ гладиаторы, онъ предложилъ ему переночевать на кучѣ соломы, которая лежала въ углу комнаты, ложе, о которомъ даже и не мечталъ Люцій. На другое утро его разбудило глухое ворчаніе собаки. Быстро поднявшись, онъ увидѣлъ злые глаза трактирщика, устремленные на него.

— Прекрасно, мой юный поклонникъ Бахуса, ты могъ угощаться на счетъ гладиаторовъ, но ты меня не проведешь, такъ какъ если ты не бѣглый рабъ, то я никогда въ жизни не видалъ ихъ.

Люцій густо покраснѣлъ, но не совсѣмъ потерялъ присутствія духа.

— Я грекъ,—живо отвѣтилъ онъ. — Какъ смѣешь ты, называя меня рабомъ, позорить мою націю?

— Вы всѣ рабы,—насмѣшливо возразилъ трактирщикъ.—Твоя родина только римская провинція, подвластная римскимъ законамъ и волѣ Императора, какъ и вся вселенная.

Люцій злобно сжалъ кулаки.

— Развѣ только одни римляне герои?—спросилъ онъ.

Но, подумавъ, что если онъ и этотъ человекъ дойдутъ до ссоры, то жертвой будетъ онъ, и, можетъ быть, на вѣкъ потеряетъ свою свободу, онъ сдержалъ себя. Неприбавивъ больше ни одного слова, Люцій поспѣшилъ на площадь ожидать своего новаго друга гладиатора.

Съ восходомъ солнца тутъ всегда царило большое оживленіе. Деревенскіе жители привозили въ городъ ягоды, зелень и цвѣты, и подгоняли своихъ муловъ громкими криками и ударами кнута, какъ это дѣлаютъ въ наше время огородники.

Люцій внимательно наблюдалъ за всѣмъ этимъ движеніемъ людей и животныхъ, какъ, вдругъ, взоръ его внезапно былъ прикованъ шедшей дѣвушкой, которая держалась какъ можно ближе къ стѣнѣ, и каза-

лась скорѣе прислушивающейся, чѣмъ смотрѣвшей на проѣзжающіе экипажи.

Юноша замѣтилъ, что у нея глаза были закрыты. Въ эту минуту какой-то прохожій крикнулъ одной изъ торговкокъ, мулъ которой шелъ слишкомъ близко къ стѣнѣ:

— Обратите вниманіе на слѣпую дѣвушку.

Было-ли услышано или нѣтъ это предостереженіе, но все же Люцій, бросившись впередъ, поспѣлъ какъ разъ во время, чтобы спасти дѣвушку отъ грозившей ей опасности быть раздавленной.

— Благодарю,—кратко улыбаясь и направляя въ его сторону свои большіе, широко открытые глаза, промолвила дѣвушка.

— Ты не должна была бы выходить изъ дому одна,—сказалъ Люцій, помогая ей выйти на дорогу.

— Я привыкла ходить по городу одна, но порученіе, которое мнѣ дали сегодня, очень тяжелое.

Люцій увидалъ, что она несла корзину.

— Позволь мнѣ проводить тебя до дому и донести вотъ, это,—сказалъ онъ, стараясь взять изъ рукъ дѣвушки корзину.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула она,—корзина не тяжела, я могу нести ее безъ помощи, но если у тебя есть время проводить меня до конца площади, я тебѣ буду очень признательна.

— Я провожу тебя до тѣхъ поръ, пока ты будешь внѣ опасности.

Съ этими словами Люцій взялъ дѣвушку за руку и оба они снова очутились среди двигающейся толпы. Скоро они достигли середины площади и, изъ улицы въ улицу, дошли до военнаго квартала. Возлѣ того мѣста, гдѣ должна была остановиться дѣвушка, стоялъ часовой, что указывало на присутствіе узника.

— Благодарю за услугу, оказанную мнѣ,—проговорила слѣпая.—Благодарю за твою доброту по отношенію къ бѣдной калѣкѣ, у которой нѣтъ на землѣ друзей.

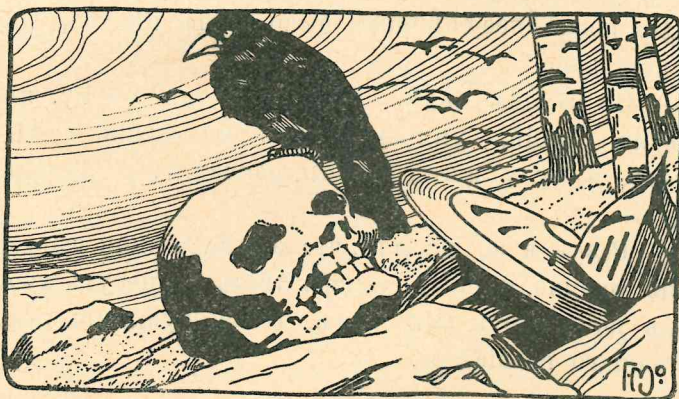
Прежде, чѣмъ переступить порогъ дома, дѣвушка обернулась къ Люцію и прибавила:

— Я ничѣмъ не могу вознаградить тебя, но Господь вознаградитъ тебя за это!

Часовой впустилъ ее, не предложивъ ей вопроса.

Пер. съ франц. А. Мерказина.

(Продолж. въ слѣд. №-рѣ)





## Изъ поѣздки въ Кіевъ.

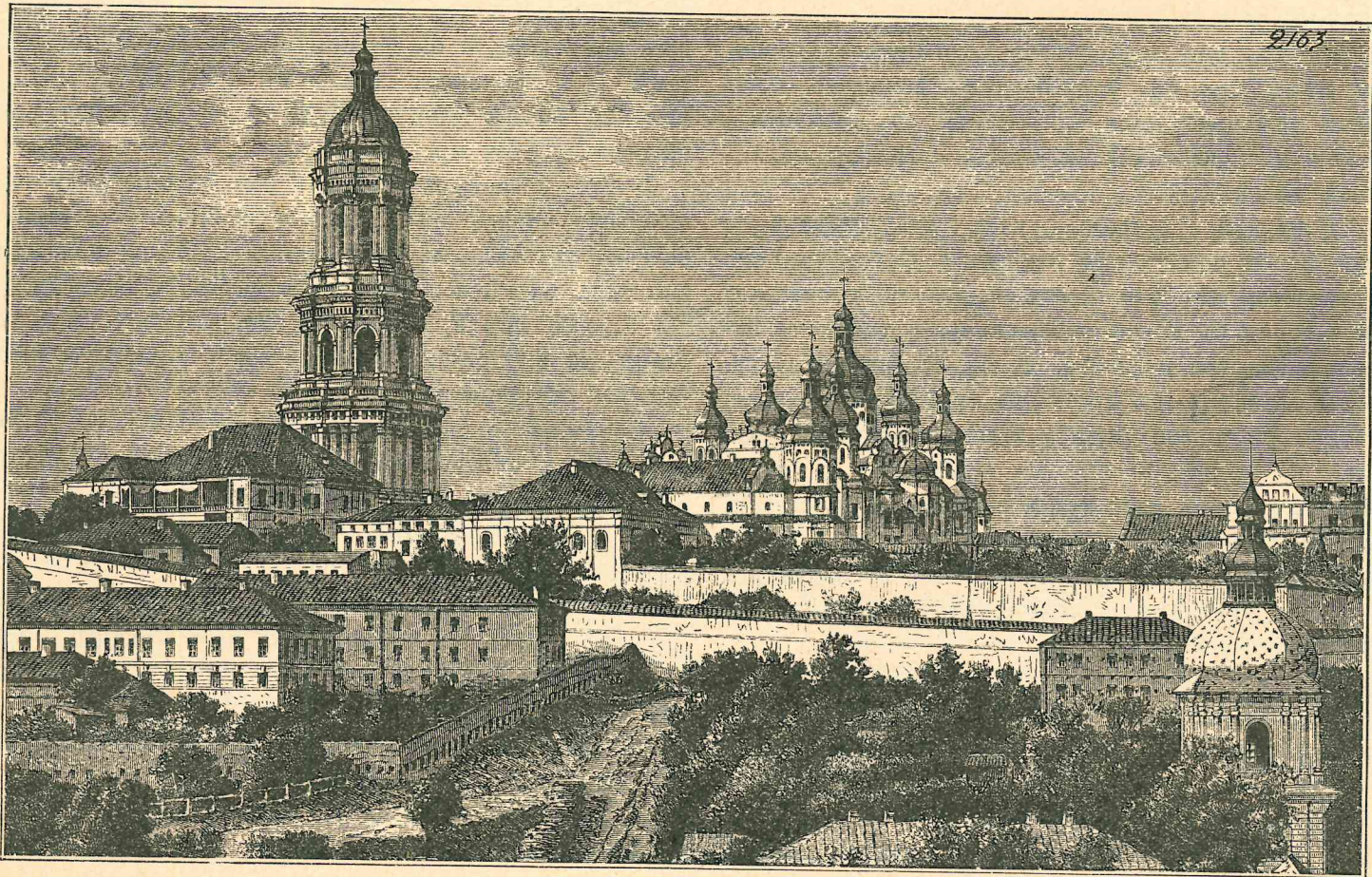
(Воспоминанія паломницы).

**Б**ЫЛЪ іюнь мѣсяць. Мы пріѣхали въ Кіевъ вечеромъ и остановились въ Михайловскомъ монастырѣ. Намъ отвели довольно просторную комнату, съ двумя окнами, выходившими въ монастырскій садъ. Меблировка была самая простая: двѣ желѣзныхъ кровати съ чистыми матрацами, покрытыя сѣрыми байковыми одѣялами, два стула, двѣ черныхъ табуретки, столикъ въ простѣнкѣ и небольшой, очень старый, но опрятный умывальникъ; на стѣнѣ—небольшое зеркальце въ чер-

бѣломъ фартукѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ. Послушникъ „Никодимъ“ былъ предоставленъ въ наше распоряженіе, на посылки, а также и дѣвушка „Марфуша“; она обслуживала пять номеровъ, въ томъ числѣ и нашъ.

Никодимъ быстро постлалъ бѣлую скатерть съ синей каймой, принесъ на подносѣ чайный приборъ, на тарелкѣ продолговатый бѣлый хлѣбецъ, изъ профорнаго тѣста, очень вкусный, — кувшинъ съ молокомъ и, узнавъ, что у насъ есть чай, сахаръ и даже лимонъ, удалился.

Когда онъ ушелъ, мы умылись и, доставъ изъ



Общій видъ Кіево-Печерской лавры.

ной рамкѣ. Тотчасъ же къ намъ пришелъ монахъ, среднихъ лѣтъ, полный, съ густой растительностью на лицѣ, съ распущенными и волнистыми волосами, расчесанными на проборъ.

Это былъ распорядитель номеровъ, О. Пафнутій. Получивъ наши паспорта и условившись въ цѣнѣ за номеръ, онъ удалился.

Минутъ черезъ десять, едва мы сняли дорожныя верхнія платья и раскрыли корзинку съ разными дорожными припасами, къ намъ вошелъ молодой послушникъ. Его длинныя свѣтло-русые волосы были заплетены въ двѣ тонкія косы, безукоризненной бѣлизны воротничекъ рѣзко выдѣлялся отъ его чернаго коленаковаго подрясника, облегающаго его сутуловатую худую фигуру; съ нимъ вмѣстѣ вошла женщина лѣтъ сорока, чисто одѣтая въ черное ситцевое платье, въ

корзины всѣ наши закуски, сѣли за столикъ, а Марфуша принялась готовить намъ постели. Хотя бѣлье было не тонкаго полотна, но безукоризненно чистое и новое. Приготовивъ все для ночи, она поклонилась и ушла.

Скоро мы кончили нашъ чай. Сестра, утомленная дорогой, легла спать, а я потушила огонь, открыла окно и сѣла. Теплымъ ароматнымъ воздухомъ пахнуло мнѣ прямо въ лицо. Ночь была темная и небо было усѣяно яркими звѣздами; кругомъ тишина, не шелухнетъ.

Я сидѣла такъ же тихо и спокойно, какъ тиха и спокойна была эта ночь—и, вотъ, эту торжественную тишину первый нарушилъ кузничикъ—онъ громко затрещалъ въ травкѣ, — за нимъ гдѣ-то пропищала птичка, вѣроятно, спугнутая трескотней кузничика,—



раза два тявкнула собака и опять тихо, тихо и спокойно...

Не знаю, сколько прошло такихъ минутъ, вдругъ, изъ глубины сада, раздалось тихое пѣніе соловья, потомъ его пѣніе становилось все громче и громче,— онъ заливался, выдѣлывая разныя трели, какъ будто соперничалъ съ кѣмъ. Мнѣ казалось, что въ этотъ мигъ все кругомъ замолкло и обратилось въ слухъ.

— „Боже, какъ тутъ хорошо! — думалось мнѣ: — эта торжественная тишина, нарушаемая только пѣніемъ соловья, — вотъ, гдѣ истинное спокойствіе можно найти страждущей душѣ, вотъ, гдѣ всѣмъ своимъ существомъ понимаешь величіе Бога, Его могущество и свое ничтожество“!..

И, вдругъ, изъ конца сада послышалось пѣніе. Кто-то пѣлъ тихимъ, задушевымъ голосомъ божественный псаломъ Давида. Голосъ, по временамъ, обрывался и снова начиналъ пѣть, — слеза слышалась въ этомъ голосѣ.

Я слушала и чувствовала, какъ сама готова была плакать, слезы подступали къ горлу. Слушая пѣніе, мнѣ казалось, что это поетъ человѣкъ, у котораго большое горе и въ моемъ воображеніи почему-то нарисовалась фигура поющаго, худая, съ блѣднымъ изнуреннымъ лицомъ, съ кроткими лучистыми глазами. „Что за горе могло быть у этого человѣка?“ — думала я.

Погруженная въ свои думы, навѣянная грустнымъ пѣніемъ, я совершенно забылась.

Въ это время, подъ самыми окнами, послышались тихіе голоса. Я едва могла разглядѣть въ темнотѣ двѣ черныя человѣческія фигуры.

Пройдя мое окно, они сѣли на скамейку и продолжали вести начатый разговоръ, вѣроятно, думая, что номеръ нашъ не занятъ, такъ какъ въ немъ не было видно огня.

— Нѣтъ, отецъ Онуфрій, тоска его, кажется, никогда не пройдетъ, — говорилъ тихій молодой голосъ.

— Онъ усерденъ къ Богу и милость Божья, наконецъ, сойдетъ на него, — отвѣчалъ басистый голосъ, вѣроятно, принадлежавшій о. Онуфрію.

— Утѣшеніе только и видитъ, когда останется въ уединеніи, самъ съ собою, и поетъ псалмы, — иной разъ такъ поетъ, словно онъ видитъ передъ собою Самого Господа и передъ Нимъ въ слезахъ изливаетъ свою скорбь.

— Може и видитъ, — отвѣчалъ о. Онуфрій. — Владыко къ нему милостивъ, все разрѣшаетъ. — Когда бывало — прежде, чтобы въ такую пору позволено было бы въ саду распѣвать? А ему нѣтъ запрету: пусть, говоритъ, поетъ славу Господу и успокаиваетъ свою страждущую душу.

— А ужъ какъ поетъ, — какъ поетъ! Отецъ Михаилъ слышать безъ слезъ не можетъ, — такъ и залетается горячими слезами. Онъ тоже, говорятъ, много въ міру горя видалъ и ушелъ изъ него, — и, помол-

чавъ немного, какъ будто прислушиваясь къ пѣнію, снова, заговорилъ молодой голосъ:

— Слышь, какъ поетъ, — все сердце готово вырваться изъ груди, такъ и хочется плакать.

— Такой даръ послалъ ему Господь. Ни одинъ на клиросѣ не поетъ такъ-то, какъ онъ — владыко любить его слушать: слышу, говоритъ владыко, голосъ нашего пришельца изъ міра грѣха.

— Ужъ доподлинно изъ міра грѣха пришель.

— Казначей, утро-сь, сказывалъ, получилъ на его имя три тысячи, хочетъ строить свою келію.

— Ахъ, отецъ, отецъ Онуфрій, — перебилъ молодой голосъ, — если бы вы похлопотали меня къ нему въ послушники, я бы вѣкъ не забылъ вашего добра, и ужъ какъ ходилъ бы за нимъ, какъ за роднымъ братомъ. А о. Никаноръ взялъ бы къ себѣ другого, а мнѣ еще въ послушаніи быть долго. Но о. Онуфрій, не отвѣчая ему, продолжалъ:

— Въ монастырь отписалъ большущую дачу подъ Москвой, одного лѣсу, страсть сколько, — говорятъ, всего-то тысячъ на полтора, — да еще положилъ капиталъ на вѣчное поминанье матери и невѣсты.

— Ахъ, грѣхи, грѣхи, — отвѣтилъ послушникъ, съ такимъ-то богатствомъ и такая скорбь, — видно, и деньгами не откупишься отъ бѣды.

Послышался громкій вздохъ.

— Такъ угодно Всевышнему, — отвѣчалъ набожно о. Онуфрій, може за грѣхи отцовъ страдаетъ...

— Ужъ очень тяжело за чужіе грѣхи страдать, — отвѣтилъ послушникъ.

— Слышь, замолкъ, кажись, сюда идетъ, уйдемъ Алексѣй, пусть не увидитъ онъ насъ — владыко прикажь отдалъ почитать его и не гнѣвить, очень ужъ онъ скорбитъ душой...

И, вотъ, снова двѣ черныя фигуры монаховъ прошли мимо меня и замолкли.

Я осталась у окна. Я была увѣрена, что онъ пройдетъ мимо и я не ошиблась.

Мои глаза, успѣвшія привыкнуть къ темнотѣ, вскорѣ дали мнѣ возможность разглядѣть стройную фигуру, въ черномъ подрясникѣ, медленно шедшую по дорожкѣ, которая шла прямо противъ нашего окна. Чѣмъ ближе онъ подвигался ко мнѣ, тѣмъ явственнѣе я видѣла его блѣдное худое лицо, окаймленное небольшой бородкой и усами. Онъ на мгновение остановился, поднялъ голову, какъ будто разглядывалъ звѣзды на небѣ и, вдругъ, поднявъ руки кверху, проговорилъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Богъ вселенной, Богъ всеильный, услышь меня!

Затѣмъ онъ медленно, опустивъ голову внизъ, пошелъ мимо и скрылся за угломъ дома.

Я затворила окно, поспѣшно раздѣлась и легла спать; подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго, я долго не могла заснуть, но, наконецъ, усталость, съ дороги, взяла свое.



Не знаю, долго-ли я спала, но, вдругъ, почувствовала, какъ будто кто меня толкнулъ.

Я открыла глаза, взглянула на постель сестры, думая, что это она меня толкнула, — но она, повернувшись къ стѣнѣ, крѣпко спала. — Мнѣ послышалось пѣніе. Проворно вскочивъ съ постели, я подбѣжала къ двери и слегка пріотворила ее.

Мнѣ показалось, что цѣлый сонмъ ангеловъ пѣлъ, тамъ далеко, высоко. Минуту я стояла на мѣстѣ. Затѣмъ, быстро одѣвшись, я вышла изъ комнаты. Въ корридорѣ тускло свѣтилъ огонекъ и никого не было видно.

Пѣніе продолжалось. Прислушиваясь къ пѣнію, я дошла до конца корридора, повернула направо и увидѣла толпу народа.

Я поспѣшила впередъ.

Въ маленькой, чистенькой домово́й церкви шла служба.

Церковь была полна народа.

Вся толпа, въ бѣлыхъ суконныхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ ремнемъ, или веревкой, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ.

Вся эта толпа богомольцевъ, пришедшая изъ разныхъ мѣстъ, стояла на колѣняхъ и пѣла.

И мнѣ казалось, что не люди это поютъ, а хоръ ангеловъ поетъ хвалу Богу.

Я упала на колѣни и запѣла вмѣстѣ съ толпой, прославляя Того, кто далъ намъ свѣтъ и жизнь. Я плакала и не могла удержаться отъ слезъ.

Никогда, ни раньше, ни позже, я не испытывала такого прекраснаго, благоговѣйнаго чувства, не ощущала присутствія Божества, какъ въ этотъ разъ. Мое сердце было переполнено любовью къ Богу и этотъ день и часъ остался памятнымъ мнѣ на всю долгую мою жизнь.

Послѣ службы, я рассказала сестрѣ все съ того момента, какъ она легла спать, а я сѣла у окна.

Сестра очень жалѣла, что я не разбудила ее къ обѣднѣ.

Тутъ же мы рѣшили съ ней дня два говѣть, — и въ это время побывать въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ и приложиться къ святымъ угодникамъ.

Послѣ чаю, мы вышли и сѣли въ трамвай, который привезъ насъ въ Лавру. *Е. Новикова.*

(Продолженіе въ слѣд. №-рѣ).

## На прогулкѣ.

Когда люблю зрѣющею нивой,  
Что наливаетъ колось золотой,  
Иль ручейкомъ, журчащимъ хлопотливо,  
Въ лѣсной глуши, кристальною струей...

Когда тепло и свѣтъ воспринимаю  
Животворящихъ солнечныхъ лучей,—  
Тогда, невольно, къ небу устремляю,  
Съ молитвой, взоры мысленныхъ очей!

Молюсь о томъ, чтобъ умнымъ солнцемъ—Богомъ  
Согрѣлась-бы душа холодная моя,  
Чтобъ въ сердцѣ многогрѣшномъ, суетномъ, убогомъ,  
Внѣдрилась искра Божія огня!

Молюсь о томъ, чтобъ въ сей земной юдоли,  
На нивѣ жизни, Божья благодать,—  
Какъ солнышко колосьямъ этимъ въ полѣ,—  
Мнѣ помогла для неба созрѣвать!

Чтобы земля души дала свой плодъ сторицей,  
Чтобъ возростала въ ней духовная весна  
Для житницы небесной—„доброю пшеницей“,—  
Всѣхъ добродѣтелей благія сѣмена!..

Чтобы тайникъ души, глубокой, сокровенный,  
Не опалялъ страстей грѣховныхъ зной,—  
Чтобъ чудодѣйственный, спасительный, нетлѣн-  
ный—

Забилъ въ немъ ключъ „воды живой“!..

*Е. Львова.*

## Всѣды съ читателями.

Въ наше „лукавое“ время, когда наблюдается почти полное равнодушіе къ вопросамъ религіозно-нравственной жизни, можно „бодрствовать“ лишь при в з а и м н о й поддержке, по слову апостола—„другъ друга подвизающе“ (Евр. X, 25).

Въ этомъ отношеніи редакция „Русскаго Паломника“ можетъ быть вполне спокойна: читатели относятся къ ней съ особою отзывчивостью.—Кто шлетъ какую-нибудь замѣтку, прося ее обработать и помѣстить, кто благодаритъ за хорошо написанную статью, за новое приложеніе къ журналу; кто замѣтилъ какой-нибудь недосмотръ и спѣшитъ предостеречь, кто сообщаетъ свои планы насчетъ дальнѣйшаго улучшенія журнала, кто, наконецъ, просто дѣлится своими впечатлѣніями отъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ журнала или статей.

Конечно, за все это редакция глубоко благодарна. Всѣ, получаемые ежедневно, десятки писемъ и замѣ-

токъ прочитываются внимательно и каждое искреннее пожеланіе читателя принимается къ свѣдѣнію. Да иначе и быть не можетъ. Вѣдь, отзывчивость читателя, близкая связь съ нимъ—лучшая награда редакціи за ея трудное, хлопотливое, требующее большого напряженія дѣло. Эта связь съ читателями и есть та желанная поддержка въ духовномъ бодрствованіи, безъ которой немислима никакая плодотворная работа въ наши печальные дни.

Вотъ, почему редакция, принося читателямъ самую глубокую, сердечную благодарность за столь великую моральную поддержку, проситъ и впредь не отказывать ей въ этомъ залогѣ плодотворности ея тяжелой работы во имя великихъ христіанскихъ идеаловъ: помогать ей и дѣломъ, и добрымъ словомъ, и совѣтомъ... Пусть наше дѣло будетъ общимъ дѣломъ: будемъ „любовію работать другъ другу“ (Гал., 5, 13)! И тогда,—нужно вѣрить,—совершимъ, общими усиліями, дѣйствительно, „трудъ многъ“, котораго не поколебать никакому „князю вѣка сего“ лукаваго...



Со своей стороны, редакция будетъ печатать всѣ замѣтки читателей, заслуживающія общаго вниманія, въ отдѣлѣ: „Отклики читателей“, который будетъ занимать мѣсто послѣ основныхъ отдѣловъ журнала. Однако, въ общихъ интересахъ, желательно, чтобы замѣтки эти были, по возможности, кратки, причемъ редакция беретъ на себя трудъ придти на помощь неопытнымъ авторамъ по части выраженія ихъ мыслей въ литературной формѣ.

Помимо всего этого, редакция обращается къ читателямъ съ особой просьбой: писать ей о всякихъ недомѣннхъ вопросахъ. На всякій такой дѣловой вопросъ, — лишь бы онъ соответствовалъ программѣ нашего религіозно-нравственнаго журнала, — будетъ данъ, по возможности скоро, точный и обстоятельный отвѣтъ, причемъ, въ трудныхъ и нужныхъ случаяхъ, справки будутъ наводиться у специалистовъ. Отвѣты редакціи на разные вопросы читателей будутъ даваться, въ формѣ живой бесѣды, въ настоящемъ отдѣлѣ: „Бесѣды съ читателями“.

Итакъ, въ добрый часъ, за общую святу ю работу!

**Подписчику Б.** При всемъ желаніи пойти навстрѣчу читателю, въ иныхъ случаяхъ это представляется невозможнымъ: иногда по поводу одного и того же предмета получаютъ десятки писемъ съ выраженіемъ одобренія и благодарности, а письма два, три съ вы-

раженіемъ неудовольствія. Все это, конечно, понятно, — вкусы и потребности у разныхъ лицъ разные. Но редакціи, по необходимости, приходится считаться съ тѣмъ мнѣніемъ, къ которому склоняется большинство.

Нѣкоторые подписчики, видимо, упускаютъ изъ виду, что „Русскій Паломникъ“, — единственный въ Россіи иллюстрированный религіозно-нравственный и духовно-литературный журналъ, — читается и интеллигентными вѣрующими людьми, и духовенствомъ, и дѣтьми школьнаго возраста, и простымъ народомъ. Только при такомъ большомъ количествѣ читателей журналъ и можетъ давать такое большое количество и такихъ цѣнныхъ приложений.

Къ сожалѣнію, есть нѣкоторые, правда, очень немногіе, подписчики, которые непременно все, до послѣдней буквы въ журналѣ, желаютъ приноровить къ своему личному вкусу. Редакція „Русскаго Паломника“, на примѣръ, получаетъ много писемъ съ выраженіемъ полнаго удовлетворенія книжками „Свѣточа“, вообще, очень сочувственно встрѣченнаго читателями, — но получено нѣсколько и такихъ заявленій, гдѣ, вмѣсто всякихъ другихъ приложений, желаютъ имѣть только одни житія святыхъ.

Разумѣется, редакція, въ данномъ случаѣ, рѣшительно не считаетъ возможнымъ удовлетворить желанію этихъ немногихъ читателей, въ ущербъ желанію большинства.

### Къ вопросу о сооруженіи по деревнямъ храмовъ-школъ.

Отставной генералъ Ф. А. Савенковъ возбудилъ ходатайство о сооруженіи по деревнямъ, въ которыхъ строятся школы, а нѣтъ церквей, — храмовъ-школъ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ наименованіемъ этихъ храмовъ-школъ храмами-школами въ память Царя-Освободителя. Обсудивъ означенное ходатайство, Святѣйшій Синодъ находитъ, что мысль объ устройствѣ въ отдаленныхъ отъ приходскихъ храмовъ селеніяхъ церквей-школъ не новая. Во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія эта мысль находила многихъ сторонниковъ. Подобныя церкви-школы стали устраивать тогда даже въ мѣстностяхъ, гдѣ не было такихъ далекихъ разстояній отъ селъ, какія есть, напр., въ Сибири; въ этой же послѣдней церкви-школы создались по всѣмъ станціямъ желѣзной дороги и въ другихъ выдающихся пунктахъ. Сочувствіе къ такимъ учрежденіямъ объясняется внѣшними удобствами ихъ сооруженія: въ школѣ готовая зала для помѣщенія молящихся, готовые чтецы и пѣвцы; требовался только небольшой расходъ на пристройку алтаря. Однако, уже на первыхъ порахъ, по устройствѣ церквей-школъ, стали обнаруживаться отрицательныя стороны подобнаго соединенія въ одномъ помѣщеніи церкви и школы. Издревле при храмахъ устраивались школы для начальнаго обученія отроковъ. Но при этомъ всегда строго разграничивалось значеніе начальной школы и церкви, и первая всегда стояла въ подчиненномъ отношеніи ко второй. Церковь — мать, школа — ея дочь. Школа — училище дѣтей и отроковъ, церковь — высшая наставница и руководительница къ спасенію какъ дѣтей,

такъ и всѣхъ взрослыхъ. Въ церкви сокрыты высшія благодатныя силы; она простираетъ свое благодѣтельное вліаніе и на школу, при ней состоящую, и сія послѣдняя отъ нея заимствуетъ и свѣтомъ истины, и другими благодатными средствами къ воспитанію и укрѣпленію дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи. Школа приноситъ свою долю пользы церкви, воспитывая юныхъ чадъ ея; но, обязанная своими духовными дарами церкви, она есть одно изъ орудій, которыми дѣйствуетъ церковь при исполненіи лежащихъ на ней обязанностей. При учрежденіи церкви-школы значительно измѣняются внѣшнія условія, въ какихъ стоитъ церковь къ школѣ. Храмъ Божій не высятся такъ въ глазахъ дѣтей и взрослога населенія, какъ храмъ, существующій отдѣльно въ городѣ и селѣ, а, наоборотъ, является въ нѣсколько какъ бы зависимомъ отъ школы положеніи; между тѣмъ, и дѣти и многіе взрослые, обыкновенно, способны поддаваться впечатлѣніямъ внѣшности и отсюда заключать къ существу вещей. Самое названіе церковь-школа можетъ подавать поводъ къ недоразумѣнію: церковь какъ бы приравнивается къ школѣ, стоитъ на одной съ нею ступени достоинства; человеку стороннему можетъ представляться даже, что церковь не болѣе, какъ школа. Не совсѣмъ удобно и то, что церковь въ этомъ учрежденіи является какъ бы обязанною своимъ бытіемъ школѣ: если-бы не было школы, не было бы и храма въ той или другой мѣстности; школа и обширнѣе, и свѣтлѣе храма; церковь — что-то, не имѣющее самостоятельнаго положенія, пристроенное къ школѣ. Независимо отъ сего, наблюденіе показало, что дѣти, учащіяся въ школѣ, объединенной помѣщеніемъ съ храмомъ, не могутъ, по свойственной имъ возрасту живости нрава, сохранять всегда серьезное, строго благоговѣнное отно-

шеніе къ мѣсту, въ которомъ они находятся, особенно во время классныхъ перемѣнъ. При томъ самый характеръ классной обстановки, съ ея наглядными пособиями и картинами, а равно и школьныя занятія учащихся по такимъ предметамъ, какъ свѣтское пѣніе, чтеніе басенъ и другихъ разсказовъ — все это также не соответствуетъ святынь храма и, несомнѣнно, подрываетъ въ дѣтахъ чувство благоговѣнія къ нему, а равно служитъ соблазномъ и для взрослога населенія. По симъ соображеніямъ, признавая не подлежащимъ удовлетворенію вышеизясненное ходатайство генерал-лейтенанта Савенкова о повсемѣстномъ устройствѣ по деревнямъ, въ которыхъ устраиваются школы, а нѣтъ церкви, храмовъ-школъ, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Училищнаго при ономъ Совѣта, по опредѣленію отъ 18—22 Марта 1911 г., постановилъ: преподавать епархіальнымъ начальствамъ, къ руководству, чрезъ напечатаніе въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», нижеслѣдующія указанія. — Допускать на будущее время устройство въ одномъ помѣщеніи церкви и школы въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ при совершенной невозможности устройства отдѣльной церкви въ какомъ-нибудь отдаленномъ отъ приходскаго храма селеніи. При этомъ, установить правиломъ, чтобы, при составленіи плановъ такихъ учрежденій, рѣзко выдѣлялась въ зданіи церковь какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней, дабы въ глазахъ взрослога населенія и дѣтей храмъ представлялся главенствующимъ въ школѣ. Независимо отъ сего, слѣдуетъ наблюдать, чтобы и внутри зданія церковь занимала выдающееся положеніе: не ютилась бы сбоку, какъ нѣчто придѣланное къ школѣ, не была бы слишкомъ мала и тѣсна въ сравненіи со школою. Въ настоящее время, болѣею частію, церковь при



школъ устроится такъ, что, собственно, церкви принадлежить одинъ алтарь, а затѣмъ ставится перегородка, которая раздвигается предъ совершеніемъ богослуженія. Слѣдуетъ отдѣлять, хотя небольшое, пространство для средней части храма, и въ эту часть храма пролагать особый ходъ сбоку. Тогда помѣщеніе храма было бы, по возможности, обособлено, а школьное помѣщеніе открывалось бы только для удобства размѣщенія предстоящихъ въ храмѣ, какъ это практикуется и во многихъ домовыхъ церквахъ. Собственно, храмъ въ школѣ слѣдовало бы отличать чѣмъ-либо и снаружи, наприм., какою-либо оградой, устройствомъ предъ нимъ чего-либо въ родѣ палисадника, вообще, слѣдовало бы такъ или иначе обозначать, что это мѣсто обособленное, священное. Перегородка, которая отдѣляетъ храмъ отъ школы, должна быть, по возможности, отличена отъ другихъ подобныхъ перегородокъ: напр., сдѣлана изъ лучшаго дерева, ознаменована изображеніемъ креста, въ знакъ того, что ведетъ въ храмъ Божій и т. под. Къ этой перегородкѣ должна быть приставлена въ приличномъ мѣстѣ классная икона, предъ которою возжигается лампада. Сюда обращаются учащаяся дѣти, становясь на молитву. Въ классной залѣ, сосѣдней съ храмомъ, по возможности, не допускаются шумныхъ игръ, пѣнія мірскихъ пѣсенъ и т. под. Учитель школы словомъ и дѣломъ долженъ являть ученикамъ примѣръ уваженія къ храму и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы внушать учащимся дѣтямъ о близости великой святыни храма. Самымъ учрежденіемъ такимъ надлежитъ присваивать названіе не церковно-школа, а церковь со школою. Для большей ясности надлежитъ обозначать и то, чьему имени посвященъ храмъ, напр., Спасо-Преображенская церковь, въ такомъ-то селеніи, со школою,—что будетъ отдѣлять церковь отъ школы и давать ей точно опредѣленное имя и значеніе.

Синодомъ викарій той же епархіи, епископъ новгородъ-сѣверскій Василій (Богоявленскій).

◆ Симбирскимъ губернаторомъ Ключаревымъ представлено въ Св. Синодъ ходатайство Алатырскаго городского общественаго управленія о назначеніи комиссіи для установленія того, что тѣло почивающаго въ Алатырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ схимонаха Вассіана принадлежить именно ему и о притченіи этого угодника Божія къ лику святыхъ греко-россійской православной церкви.

◆ Киевской комиссіей съ участіемъ преосв. Павла чигиринскаго, товарища министра вну-



† Монахиня Алипія,  
казначей Воскресенскаго Новодѣвичьяго  
Монастыря въ Спб.

## ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

### † Монахиня Алипія.

12-го іюня скончалась отъ кровоизліянія въ мозгъ, въ 76 году жизни, монахиня Алипія, казначей С.-Петербургскаго Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря. Покойная, въ міру Марія Деревягина, происходила изъ купеческаго рода.

Въ 1858 году, шестнадцатилѣтняя дѣвица Марія Деревягина поступила послушницей въ Спб. Воскресенскій монастырь при основательницѣ его, игуменіи Теофаніи Готовцевой. Проходила послушаніе клиросное, живописное, завѣдывала кладбищемъ и съ 1888 года была утверждена казначеей, обязанности которой и исполняла по день смерти.

Пострижена была въ монашество 6-го сентября 1883 года, съ именемъ Алипія.

6-го мая 1895 года была награждена отъ Св. Синода наперснымъ крестомъ, а въ 1909 г. была удостоена особой грамоты за благотворительную жизнь и за неустанные труды для обители.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1902 года покойной было разрѣшено Св. Синодомъ принять и носить наперсный крестъ съ драгоценными украшеніями, поднесенный ей почитателями въ знакъ уваженія къ 50-ти-лѣтнимъ честнымъ трудамъ ея на пользу обители.

14-го іюня бранные останки монахини Алипіи были преданы землѣ на кладбищѣ монастыря, около строящагося храма-усыпальницы.

Заупокойное служеніе совершалъ преосв. Никандръ, епископъ нарвскій, въ сослуженіи монастырскаго духовенства.

Отдать послѣдній долгъ покойной собрались многіе почитателя ея.

Миръ праху твоему, благочестивая инокиня!  
Н. Заринъ.

### Встрѣча святыни.

11-го іюня преосв. владыкою Серафимомъ, епископомъ полоцкимъ, на окраинѣ города торжественно встрѣчена частица св. мощей преподобной Евфросиніи, кн. Полоцкой, перенесенная изъ г. Полоцка въ г. Витебскъ на постоянное пребываніе въ кафедральномъ соборѣ. Встрѣча святыни состоялась при участіи крестныхъ ходовъ изъ всѣхъ витебскихъ градскихъ церквей, изъ сосѣднихъ селъ, многочисленнаго духовенства, г. начальника губерніи барона Гершау-Флотова, многихъ почетныхъ лицъ, учащихся и учащихся, войскъ съ военными оркестрами и многихъ тысячъ молящихся. Кафедральный соборъ и мѣсто встрѣчи были красиво декорированы зеленью и флагами изъ г. Полоцка; святыня шествовала съ 24-го мая по селамъ, весамъ и городамъ полоцкой епархіи, вездѣ радостно встрѣчаемая и провожаемая духовенствомъ и многочисленными богомольцами. Благодаря распорядительности духовныхъ и свѣтскихъ властей, восемнадцатидневное шествіе святыни крестнымъ ходомъ совершилось въ образцовомъ порядкѣ.

### Евфросиніевскій кружокъ.

23 мая прошлаго 1910 г., при многотысячномъ стеченіи православнаго народа, совершилось достопамятное событіе перенесенія мощей преподобн. Евфросиніи, изъ Киева въ Полоцкъ, въ основанный св. князю Спасо-

## ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

◆ По докладу оберъ-прокурора Св. Синода послѣдовало Высочайшее соизволеніе на увольненіе на покой викарія рязанской епархіи епископа Исидора. Мѣстопробываніемъ епископу Исидору Св. Синодомъ назначенъ Валаамскій монастырь.

◆ По официальнымъ даннымъ, число богомольцевъ въ ночь съ 18 на 19 іюня у Боголюбской иконы Божіей Матери было свыше 250,000 человекъ.

◆ Въ виду крайней обширности ставропольской епархіи, обнимающей ставропольскую губернію и кубанскую область, а также многочисленности ея населенія, Святѣйшій Синодъ постановилъ открыть въ названной епархіи кафедрѣ второго викарнаго епископа, съ присвоеніемъ послѣднему наименованія «александровскаго» и отнесеніемъ содержанія его на средства мѣстнаго епархіальнаго свѣчнаго завода. Епископомъ на эту кафедрѣ посвященъ смотритель ставропольскаго духовнаго училища архимандритъ Михаилъ (Козмодемьянскій).

◆ На кафедрѣ епископа черниговскаго и нѣжинскаго, освободившуюся за смертью преосвященнаго Антонія (Соколова), назначенъ Св.

тренихъ дѣлъ Курлова, начальника края и губернатора осматрѣны работы по сооруженію памятника Великой Княгинѣ Ольгѣ, признанныя успешными.

◆ Государь Императоръ Всемиловѣйше повелѣтъ соизволилъ: назначить члена Гос. Совѣта, князя Ширинскаго-Шихматова, председателемъ исполн. комиссіи по ремонту и реставраціи Московскаго Большаго Успенскаго собора.

◆ Вопросъ о выдѣленіи представителя вѣдомства православнаго исповѣданія, т. е. оберъ-прокурора Св. Синода изъ состава объединеннаго правительства, подобно министрамъ военному, морскому и Императорскаго Двора, будетъ, какъ мы слышали, снова обсуждаться въ правительственныхъ сферахъ и, вѣроятно, рѣшится въ благоприятномъ смыслѣ, ибо управленіе нашей церковью не есть «министерство исповѣданій», какъ на Западѣ, во и, по каноническимъ правиламъ, не можетъ подчиняться въ своей внутренней жизни директивамъ, исходящимъ изъ учрежденія свѣтскаго и по основнымъ законамъ высшій органъ управленія церковью, — Св. Синодъ, — представляетъ свои рѣшенія лишь верховному блюстителю правъ св. церкви — Государю Императору.



Евфросиніевскій монастырь. Кроме того, тогда же прихожанами собора выражено желаніе соорудить на свои пожертвованія большой образъ св. Евфросиніи, а среди прихожанокъ собора, отличающихся усердіемъ и любовью къ церкви, возникла благочестивая мысль образовать женское содружество религиозно-благотворительнаго характера. Все это теперь осуществлено. Образъ прекрасной живописи въ византійскомъ стилѣ написанъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Евфросиніевскій женскій религиозно-благотворительный кружокъ образовался, и правила его утверждены 14 апрѣля сего года. 23 мая Евфросиніевскій кружокъ, состоящій теперь изъ 40 членовъ, справилъ свой первый праздникъ.

### Къ прославленію святителя Іоасафа.

Въ текущемъ 1911 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, у меня на лѣвой сторонѣ шеи появился очень большой наростъ въ видѣ пузыря, но твердый. Частыя мои обращенія къ докторамъ Петербурга, гдѣ я проживаю, не привели ни къ чему, и даже никто изъ нихъ не могъ опредѣлить, что это за болѣзнь. Такъ продолжалось полтора мѣсяца. Читая въ одно время газету, я въ ней вычиталъ замѣтку объ открытіи мощей епископа Іоасафа Горленко и, глубоко повѣривъ, что сей Угодникъ Божій поможетъ и мнѣ, сталъ усердно призывать его имя на помощь и далъ обѣщаніе—по выздоровленіи поѣхать въ Вѣлгородъ на поклоненіе его святымъ мощамъ и тамъ поговѣть.

Не прошло и трехъ дней, какъ наростъ мой самъ по себѣ сталъ незамѣтно расплываться и совершенно исчезъ. Лѣчившіе меня доктора и мои господа, у которыхъ я служу, весьма были удивлены скорому моему выздоровленію и, когда я заявилъ, что выздоровѣлъ по вѣрѣ моей въ молитвы новопрославляемаго святителя Іоасафа, то послѣдніе одобрили мое намѣреніе и тоже совѣтовали поѣхать и поблагодарить своего цѣлителя. Это собственноручною подписью и присягою предъ Святымъ Крестомъ и Евангеліемъ лично свидѣтельству. Аминь. 1911 года, мая 15 дня.

Къ сему заявленію Тверской губерніи Селижарова посада мѣшанинъ Сергій Ефремовичъ Изотовъ подписался.

Къ присягѣ приволилъ Вѣлгородскаго Свято-Троицкаго монастыря духовникъ, іеромонахъ Агапій.

Съ подлиннымъ вѣрно. Іоанникій, епископъ Вѣлгородскій.

### БИБЛИОГРАФІЯ И НОВЫЯ КНИГИ.

(Обо всѣхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, дѣлается отзывъ или печатается краткое извѣщеніе. Въ эти книги можно выписывать черезъ посредство книгоиздательства П. П. Сойкина (Стремлянная, № 12). Авторы благоволятъ сообщать свой адресъ).

**О. Александръ Поповъ.** *Вопросы о святыхъ мѣстахъ Іерусалима по русской дипломатической перепискѣ въ XIX в.*

Подъ такимъ наименованіемъ настоятелемъ Кронштадтскаго собора, прот. А. Поповымъ издана дипломатическая переписка, касающаяся св. мѣстъ Іерусалима за 1800—1893 гг. и заключающая въ себѣ свыше 800 документовъ. Большинство изъ нихъ написано на французскомъ языкѣ и лишь очень немногіе на русскомъ.

Обнимаемая своимъ содержаніемъ первую половину XIX в., эта переписка касается одного изъ наиболѣе большихъ вопросовъ христіанской

политики—вопроса о св. мѣстахъ. Не только христіане, но и мусульмане заинтересованы его исторіей. Этотъ вопросъ не новъ: со времени крестовыхъ походовъ исторія Іерусалима вращается вокругъ него. Всѣ усилія различныхъ христіанскихъ общинъ направлены къ пріобрѣтенію того или иного св. мѣста. Отсюда возникаетъ ожесточенная борьба за обладаніе св. мѣстами между представителями различныхъ христіанскихъ исповѣданій, но, главнымъ образомъ, между православными, католиками и армянами.

Въ XIX в. эта борьба особенно обострилась, и взаимныя отношенія народностей были отравлены неумолимою ненавистью и обоюдными нападеніями. Тяжба между христіанскими исповѣданіями по поводу св. мѣстъ Іерусалима не ограничилась предѣлами св. земли: она была перенесена на берега Босфора. Въ Константинополѣ каждая партія старается найти помощь и протекцію: католики—у посланника Франціи, греки—у русскаго, армяне—у своихъ единовѣрцевъ, многочисленныхъ придворныхъ, окружающихъ султана. Развитие вопроса о св. мѣстахъ, сдѣлавшись предметомъ интернациональной дипломатической переписки, переносится изъ Іерусалима въ Константинополь. Россійское посольство въ Турціи, внимательно слѣдя за означеннымъ вопросомъ въ послѣдовательныхъ фазахъ и принимая весьма дѣятельное участіе въ его разрѣшеніи, дѣлало сообщенія своему правительству, чтобы поставить его въ извѣстность о всѣхъ деталяхъ.

Эти донесенія русскіхъ посланниковъ въ Константинополь и инструкции, посылаемыя въ отвѣтъ русскимъ правительствомъ, представляютъ собою матеріалъ огромной научной цѣнности и заключаютъ въ себѣ документы, имѣющіе особое значеніе съ точки зрѣнія изслѣдованій, касающихся вопроса о св. мѣстахъ въ XIX в.

До сего времени означенная русская дипломатическая переписка еще не появлялась въ печати, оставаясь въ различныхъ правительственныхъ архивахъ и въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—какъ въ Петербургскомъ, такъ и въ московскомъ (до 1852 г. включительно).

Значеніе труда о. Попова уже начинаетъ обнаруживаться: въ т. XXII (вып. 1911 г.). Сообщеній Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества П. Безобразовымъ помѣщена статья: «О сношеніяхъ Россіи съ Палестиной».

Авторъ, на основаніи документовъ, изданныхъ о. прот. Поповымъ, уже даетъ нѣкоторымъ историческимъ лицамъ и явленіямъ другое освѣщеніе, сравнительно съ тѣмъ, которое установилось, было, въ наукѣ. Напр., существовалъ взглядъ, что Іерусалимскій патриархъ (Поликарпъ—1815—1827) былъ по отношенію къ Россіи только лишь проситель милостины, старавшійся при этомъ получить таковой какъ можно больше.

Теперь же оказывается, что этотъ патриархъ видѣлъ въ Россіи не только источникъ добротныхъ подаваній, онъ обращался къ Русскому правительству за содѣйствіемъ въ упорной борьбѣ, которую онъ велъ съ католической пропагандой.

Нельзя не пожалѣть, что въ трудѣ о. Попова, попутно съ французскимъ текстомъ документовъ, не дано параллельно русскаго перевода. Это въ значительной степени облегчило бы для широкой русской публики ознакомленіе съ интересными матеріалами. *Ан. Титовъ.*

**Священникъ Н. М. Орловъ.** *При свѣтѣ Евангелія.* Годичный кругъ церковныхъ бесѣдъ на воскресные дни. Выпускъ второй.—Того же автора: *Сборникъ статей по вопросамъ вѣры и нравственности на злобу дня.* Москва. 1911. Цѣна обѣихъ книгъ 1 р. 45 к. Съ пересылкой 1 руб. 80 к.

Достойны всеобщаго вниманія эти двѣ книги бесѣдъ религиозно-нравственнаго содержанія. Изложены онѣ общепонятнымъ языкомъ, безъ всякихъ витіеватостей. Это большое ихъ достоинство, выгодно отличающее ихъ отъ многихъ книгъ того же рода.

Священникъ Н. М. Орловъ, настоятель храма Св. Троицы на Шаболовкѣ, говоритъ и пишетъ свои проповѣди и бесѣды такъ, что онѣ понятны не только взрослымъ, но и дѣтямъ. За это многіе скажутъ большое ему спасибо.

Въ выпускѣ второмъ бесѣдъ о. Орлова достойны особаго замѣчанія слѣдующія: «Долгъ передъ Христомъ», «Долгъ передъ обществомъ», «Забывтое, но необходимое», «Чудо», «Вѣчная жизнь», «Узнаютъ ли люди другъ друга за гробомъ». Въ выпускѣ третьемъ: «Передъ завѣсой будущаго», «Къ эпидеміи самоубійствъ», «Къ тѣмъ, кто ищетъ религиознаго пониманія жизни», «Радость Богосверщанія», «Одна изъ нынѣшнихъ язвъ» и «Безпробѣдность».

Желаемъ книгамъ о. Орлова большого успѣха, котораго онѣ вполне заслуживаютъ.

В. М.

### О М Ъ О Б ъ.

**Странный рассказъ.**—У французскихъ писателей, въ томъ числѣ и секретаря Наполеона I, барона Фэя, имѣется очень странный рассказъ. — Наполеонъ вступилъ въ Вязьму 17 августа и засталъ городъ въ пламени, такъ какъ его наканунѣ велѣлъ поджечь Коновницынъ. Наполеону отведенъ былъ большой домъ, который не пострадалъ отъ пожара. Къ внутренней сторонѣ дома примыкалъ большой садъ, въ концѣ котораго помѣщалась церковь. Церковь была запорота, и когда офицеры наполеоновой свиты начали стучать и звонить, на звонъ ихъ появился человѣкъ, который оказался церковнымъ сторожемъ, онъ и повелъ ихъ въ церковь. Здѣсь, посреди храма, на высокомъ катафалкѣ, стоялъ гробъ, въ которомъ лежалъ старецъ съ бѣлою, какъ лунь, бороною, съ величественными чертами лица.

На головѣ его была надѣта mitra и лежалъ онъ въ богатомъ епископскомъ облаченіи.

Повидимому, это былъ мѣстный епископъ. Онъ скончался наканунѣ и въ тотъ же день все было заготовлено для торжественныхъ похоронъ. Внезапное приказаніе русскаго командующаго очистить городъ и поджечь его заставило все духовенство немедленно удалиться, и покойникъ остался одинъ въ церкви, подъ надзоромъ сторожа.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, Наполеонъ приказалъ немедленно похоронить епископа въ приготовленномъ для него склепѣ—въ присутствіи офицеровъ своего штаба.

Это сообщеніе вызываетъ рядъ недоразумѣній. Въ 1812 г. въ Вязьмѣ не было епископской каѳедры. Какой же это могъ быть архіерей?

Издатель П. П. Сойкинъ. Редакторъ Е. А. Поповичіи.

При этомъ №-рѣ въсѣхъ Гг. подличивающъ разсылается бесплатное приложение: 6-я ин. „Толи на Новый Заветъ Блаж. Теофилакта“.

